

СОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

При подготовке войны против Советского Союза и в ходе этой войны гитлеровская Германия уделяла огромное внимание организации разведывательно-подрывной деятельности. Эта деятельность отличалась беспрецедентными масштабами и исключительным вероломством. Главная роль в ней отводилась военной разведке Германии — «Абверу». Кроме него, в ведении «тайной войны» против СССР участвовали служба безопасности (СД), гестапо, разведка министерства иностранных дел, иностранный отдел министерства пропаганды, иностранная организация фашистской партии (АО) и другие. Борьба с гитлеровской разведкой потребовала больших усилий от Советского государства. Главная тяжесть в этой борьбе легла на советские органы государственной безопасности.

После захвата Польши гитлеровской Германией немецкая разведка значительно активизировала свою деятельность против СССР. Наличие общей советско-германской границы облегчало эту подрывную работу. Нельзя забывать и того, что гитлеровцы получили определенную социальную опору в лице представителей «обиженных» Советской властью эксплуататорских классов Западных областей Белоруссии и Украины, а также прибалтийских республик, в первую очередь в лице украинских, белорусских, литовских, эстонских и латышских националистов. Большое значение имел также тот факт, что в процессе оккупации Польши фашистская Германия захватила часть архивов польской разведки и контрразведки. Это позволило немецким разведывательным органам использовать широкую агентурную сеть польской разведки и контрразведки в Западных областях УССР и БССР в своих интересах¹.

Основные усилия разведывательных органов фашистской Германии были направлены в этот период на сбор дополнительной информации о военном потенциале Советского Союза, дислокации частей Красной Армии, ее составе и боеспособности. Предпринимались одновременно попытки к созданию в тылу Красной Армии «пятой колонны», которая смогла бы выступить сразу же с началом военных действий. С сентября 1940 г., когда Германия приступила к наращиванию военных сил на советско-германской границе, немецкая разведка стала выполнять задания, которые способствовали обеспечению внезапного нападения на СССР. С октября 1939 г. по 22 июня 1941 г. на советско-германской границе была дополнительно развернута большая сеть разведывательных подразделений, которые начали массовую засылку фашистской

¹ Ведению Германией разведывательно-подрывной работы способствовало прямое сотрудничество немецкой разведки с разведками некоторых других стран, в том числе Финляндии, Румынии, Японии.

агентуры в советский тыл². Бывший начальник первого отдела «Абвера» генерал-лейтенант Пиккенброк дал следующие показания на Нюрнбергском процессе: «Уже с августа — сентября 1940 года со стороны отдела иностранных армий генштаба стали значительно увеличиваться задания «Абверу» по СССР. Эти задания, безусловно, были связаны с подготовкой войны против России»³. Советские пограничники в течение 1940 и первой половины 1941 г. задержали несколько сот фашистских агентов⁴. Если учесть, что в 1937—1938 гг. число задержанных на западной границе СССР вражеских агентов исчислялось единицами, то станет ясно, какую высокую активность проявляла немецко-фашистская разведка накануне войны.

Состав немецкой агентуры, которая забрасывалась на советскую территорию в 1939—1940 гг., был самым разношерстным. В основном это были рядовые агенты, к тому же плохо экипированные. Германская разведка учитывала, что часть агентов может быть разоблачена. Поэтому нескольким агентам давались нередко одинаковые задания. Вместе с тем среди агентов было немало и высококвалифицированных разведчиков, которые получали особо важное задание. В 1941 г., особенно в апреле — мае, удельный вес их чрезвычайно возрос. Разведчики проходили специальную подготовку в разведывательных школах в Штеттине, Кенигсберге, Берлине, Вене и других городах. Они были хорошо экипированы. Состав агентуры и характер задач, которые ставились перед нею, свидетельствовали о том, что титлеровцы занялись в это время проверкой данных, добытых прежде.

Немецко-фашистская разведка пыталась использовать в своих целях и легальные каналы: внешнеторговые, экономические, внешнеполитические учреждения, — ставя при этом такие задачи, как сбор сведений об экономическом потенциале Советского Союза, в частности, о советской военной промышленности (мощность, районирование, узкие места), об индустрии в целом, об отдельных ее крупных центрах, о нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, об энергетических системах СССР и путях сообщения, об источниках промышленного сырья и т. д.⁵ Для координации действий различных ведомств по экономической разведке был создан штаб специального назначения — «Россия», а все полученные материалы сосредоточивались в «Институте геополитики», где насчитывалось более 1 тыс. научных сотрудников: историков, экономистов, статистиков и др.⁶ Этот институт тщательно анализировал собранные материалы и вместе с управлением экономики и вооружения штаба верховного командования вермахта (ОКВ) и военной разведкой «Абвер» составлял различные обзоры и справочники, в том числе такие, как «Военно-географические данные о Европейской России», «Балтийские страны (с планами городов)», «Географические и этнографические сведения о Белоруссии», «Промышленность Советской России», «Железнодорожный транспорт СССР».

Была активизирована деятельность военных атташе Германии в СССР и в соседних с ним странах. На состоявшемся 30 августа 1940 г. в Берлине совещании военных атташе руководитель военной разведки Германии адмирал Канарис поставил перед аппаратом военных атташе конкретные задачи по сбору информации⁷.

² Центральный архив Главного управления пограничных войск (ЦАПВ), № 12, д. 43, л. 18.

³ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), ф. 3853 7445, оп. 1, д. 1664, л. 7.

⁴ ЦАПВ, № 131, д. 74, л. 5.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 3853 с/7445, оп. 1, д. 10, л. 166.

⁶ См. К. Р и с с. Тотальный шпионаж. М. 1945, стр. 82—83.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 21, оп. 1, д. 1666, л. 163.

Занимаясь организацией «пятой колонны» в СССР, комплектованием и заброской в Советский Союз крупных диверсионно-разведывательных отрядов и групп, немецко-фашистская разведка возлагала большие надежды на помощь буржуазных националистов. Еще задолго до начала войны она прибрала к рукам организации украинских, грузинских и армянских националистов, действовавшие в эмиграции, рассчитывая использовать их со временем в своих агрессивных целях. После установления Советской власти в прибалтийских республиках гитлеровцы активизировали свою работу по сколачиванию антисоветских сил литовских, эстонских и латышских националистов. «Немецкая разведка, — отмечается в книге «Немецкая пятая колонна во второй мировой войне», — установила также связи с националистами из прибалтийских республик и Украины с целью организации восстаний в тылу русских армий. Весной 1941 г. немцы установили контакт с бывшим послом Латвии в Берлине, бывшим военным атташе латвийского посольства в Берлине и бывшим начальником разведки эстонского генерального штаба. С немцами сотрудничали такие личности, как Андрей Мельник и Степан Бандера (главари украинских националистов)»⁸. Бывший заместитель отдела «Абвер-II» полковник Штольце сообщил на Нюрнбергском процессе: «Мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка «Консул-I») и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение в происходящем якобы разложении советского тыла»⁹. Уже в 30-х годах между немецкой разведкой и организацией украинских националистов (ОУН) существовала тесная связь. В январе 1934 г. по приказу германского инспектора полиции Дильсена берлинская организация украинских националистов была влита в штат гестапо на правах особого отдела. Были сформированы военизированные отряды украинских националистов, приравненные к гитлеровским штурмовым отрядам. Руководил ими офицер гестапо некий Ярыга-Рымарт, он же Карлати, известный среди ОУН как Рико-Ярыг.

В предместье Берлина — Вильгельмсдорфе на средства немецкой разведки были построены казармы для украинских националистов. С захватом фашистской Германией Польши в Кракове был создан так называемый «Повстанческий штаб украинских националистов», который должен был под руководством немецкой разведки готовить восстание в Западных областях УССР в момент начала войны. В 1940 г. в Кракове был сформирован двухтысячный отряд «сечевых стрельцов», в Варшаве — «Украинский легион», в Люкенвальде — батальон «Украинских сечевиков». На территорию СССР засылались вновь созданные многочисленные оуновские банды. 10 марта 1940 г. «Краковский штаб» вынес решение: «Подготовить и в кратчайший срок перебросить на территорию УССР руководящие оуновские кадры с целью создания во Львове и на Волини штабов по подготовке вооруженного восстания». В это же время низовым звеньям оуновского подполья были даны указания составить «черные списки совпартактива» для уничтожения нанесенных в списки лиц с началом войны.

В Прибалтике немецкая разведка опиралась на антисоветские организации «Союз литовцев в Германии» во главе с бывшим литовским послом в Германии полковником Шкирпа, подпольный диверсионно-шпионский центр «Фронт литовских активистов», «Комитет спасе-

⁸ Л. де Ионг. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М. 1958, стр. 356—357.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 3853/7445, оп. 1, д. 1664, лл. 15—17.

ния Литвы» и другие. В Латвии она рассчитывала использовать для активных выступлений против Советской власти с началом войны буржуазно-националистическую организацию айзсаргов, в Эстонии — такие подпольные организации, как «Легионерское движение Востока» и «Комитет спасения». Перед войной эстонские националисты сформировали в Финляндии батальон под наименованием «Эрна-2», предназначенный для диверсионных действий в тылу Красной Армии.

Наряду с попытками организовать антисоветские силы внутри СССР, а также подготовкой вооруженных банд буржуазных националистов немецкая разведка готовила действия в тылу Красной Армии диверсионные войска. Речь идет в первую очередь о специальном диверсионном соединении «Бранденбург-800», созданном в 1940 году. В его задачу входил захват оперативно важных объектов — мостов, туннелей, оборонных предприятий — и удержание их до подхода авангардных частей германской армии. Это диверсионное соединение было укомплектовано преимущественно зарубежными немцами. Были там и выходцы из других национальностей. При действии в советском тылу личный состав «Бранденбург-800» использовал форму советских войск или гражданскую одежду¹⁰. Непосредственно перед нападением на СССР численность «Бранденбург-800» была увеличена.

Последним крупным направлением деятельности немецко-фашистской разведки накануне войны являлось обеспечение внезапности нападения на СССР. Германское командование уделяло этому вопросу исключительное внимание, считая его важнейшим условием быстрого разгрома Красной Армии непосредственно на западных границах Советского Союза¹¹. Прежде всего принимались меры к тому, чтобы поддерживать видимость хороших отношений с СССР. Все политические акции по сколачиванию антисоветского военного блока держались в строгой тайне. 3 февраля 1941 г. на совещании у Гитлера было принято решение, в котором говорилось: соглашения «с соседними государствами, которые принимают участие в операции, не могут быть заключены до тех пор, пока существует какая-либо необходимость в маскировке»¹². В переговорах с союзниками представители Германии не имели права затрагивать детали плана «Барбаросса». К проведению предварительных мероприятий по осуществлению плана «Барбаросса» привлекался ограниченный круг лиц¹³.

Немецкое командование принимало меры к тому, чтобы уменьшить в глазах советской разведки масштабы концентрации германских войск на востоке, убедить ее в том, что все приготовления имеют оборонительный характер. 15 февраля 1941 г. Гитлер утвердил директиву, согласно которой с 15 февраля по 16 апреля 1941 г. должны были проводиться дезинформационные действия, которые убедили бы советскую разведку в том, что перегруппировка немецких войск не связана с их концентрацией на востоке, а вызвана необходимостью «обмена» войск: бывшие в боях соединения якобы отводились на восток для отдыха и учебы, а свежие войска, дислоцированные на востоке, перебрасывались на запад. В период с 16 апреля по 22 июня 1941 г. дезинформационные мероприятия должны были быть построены таким образом, чтобы придать действительной переброске войск на восток характер ложной перегруппировки, которая проводилась якобы для того, чтобы усыпить бдительность англичан перед вторжением на Британские острова. Немецкая разведка и контрразведка должны были, используя свои возможности, распространять слухи о том, что германские войска готовят-

¹⁰ Там же, лл. 16—17.

¹¹ «Нюрнбергский процесс». Т. 1. М. 1957, стр. 194.

¹² Там же, стр. 395.

¹³ Там же, стр. 367.

ся к проведению операции «Морской лев», что на западе, а не на востоке находится основная группировка немецко-фашистских войск. «В этих целях,— говорил бывший заместитель начальника отдела «Абвер-II» полковник Штольце,— был намечен перевод значительной части германского военно-морского флота в порты на французском и немецком побережье Северного моря, а также концентрация авиационных соединений на французских аэродромах»¹⁴. Непосредственно перед нападением на СССР предполагалось начать движение немецких судов в сторону Англии, чтобы создать видимость начала операции по высадке на Британские острова¹⁵. Чтобы создать впечатление, будто в 1941 г. основной целью немецко-фашистской армии являлся разгром Англии, проводилась и другая дезинформационная работа. В частности, на северо-западном и северном побережье Франции лихорадочно подготавливался «плацдарм» для войск вторжения, во Франции и в Бельгии школы, театры и учреждения «приспосабливались» для размещения войск и госпиталей, создавались «морские базы» в портах Палис и Бордо. Жители городов северного побережья Франции выселялись¹⁶.

Одновременно с дезинформационной деятельностью принимались меры к тому, чтобы помешать советской разведке собрать информацию о действительных планах немецко-фашистского командования, истинных масштабах и подлинных целях сосредоточения германских войск на западной границе СССР. Была усилена охрана границ с Советским Союзом. Из немецкой пограничной полосы были выселены все жители, которые подозревались в симпатиях к СССР. Активизировалась контрразведывательная работа в районах сосредоточения войск¹⁷. В самой Германии и на оккупированной ею территории под контроль органов немецкой контрразведки были взяты все те, кто своими действиями мог угрожать секретности военных приготовлений фашистской Германии. Постановлением от 2 апреля 1940 г. категорически запрещались все виды связи со странами, объявленными вражескими. 22 июля вышло новое распоряжение, ограничивавшее передвижение между Германией и захваченными ею областями. На временный или постоянный выезд с этих территорий в Германию и наоборот требовалось специальное разрешение. Несколько раньше был издан ряд предписаний в отношении паспортного режима, пребывания иностранцев в Германии и т. д.

Завершающим мероприятием в подготовке к войне было создание в июне 1941 г. штаба «Валли» для руководства всеми видами шпионажа и диверсий против СССР. Штаб «Валли» руководил командами и группами, приданными штабам армейских группировок и армий для ведения разведывательной и диверсионно-подрывной работы на соответствующих участках фронтов, а также группами экономической разведки, проводившими сбор разведывательных данных в лагерях для военнопленных.

Таков был характер немецко-фашистской разведывательной деятельности в период подготовки войны против СССР. Возникает вопрос: в какой мере удалось гитлеровской разведке выполнить поставленные перед нею задачи? Сумела ли она собрать необходимую ей информацию о Советском Союзе и его вооруженных силах, удалось ли ей реализовать свои планы по созданию «пятой колонны» и ввести в заблуждение советскую разведку, скрыв от нее подготовку фашистской Германии к нападению на СССР? Анализ документов показывает, что с решением этих задач гитлеровская разведка не справилась.

Прежде всего необходимо отметить, что для немецко-фашистских разведывательных органов оказался непосильной задачей сбор до-

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 21, оп. 1, д. 1666, лл. 50—51.

¹⁵ Там же, стр. 23.

¹⁶ Архив Министерства обороны (АМО), № 13716, д. 1, лл. 1—4.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 3853 7445, оп. 1, д. 1664, лл. 13—14.

стоверной информации о военном потенциале Советского Союза, несмотря на то, что в этом направлении велась весьма активная работа. Только неправильной оценкой мощи СССР и переоценкой военной мощи фашистской Германии можно объяснить поистине авантюристический замысел ее руководителей — разгромить Советский Союз за восемь недель. 5 декабря 1940 г. на очередном секретном совещании, где обсуждался план похода на Москву, Гитлер хвастливо заявлял: «Следует ожидать, что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем армия французов в 1940 г.»¹⁸. Но уже через четыре месяца после начала войны Гитлер признавался, что он, возможно, вовсе не начал бы вторжения, если бы ему было заранее известно все то, с чем немцам пришлось столкнуться в России¹⁹. Имеются и другие свидетельства о том, что немецко-фашистская разведка оказалась не в состоянии определить военный потенциал СССР. «Особые условия, существовавшие в России, — писал немецкий генерал фон Бутлар в книге «Мировая война 1939—1945 гг.», — сильно мешали добыванию разведывательных данных о военном потенциале Советского Союза, и поэтому эти данные были далеко не полными»²⁰. «Несомненно, многое в решениях германского верховного командования во второй мировой войне выглядело бы иначе, — сетует видный немецкий разведчик генерал Лаверкюн, — если бы у него имелась правильная оценка военного потенциала не только противника, но и своих союзников»²¹. «...Документы немцев, находящиеся теперь у нас, — говорится в одном из меморандумов английской разведки, — подтверждают, что... немцы фактически не имели точных сведений о военном потенциале, ресурсах и стратегических намерениях русских».

Так обстоит дело с определением немецко-фашистской разведкой военного потенциала Советского Союза. Военно-политическое руководство Германии не смогло понять тех колоссальных преобразований, которые произошли в нашей стране за годы Советской власти, и сделало роковой для себя вывод о том, что Советская Россия — это колосс на глиняных ногах. Это и породило планы «молниеносного» разгрома СССР.

Став на ошибочную точку зрения о слабости Советского Союза и возможности разгрома Советских Вооруженных Сил в результате короткой кампании, руководители фашистской Германии поставили перед немецкой разведкой задачу — сосредоточить основные усилия на разведывательном обеспечении боевых операций германских войск главным образом в рамках «плана Барбаросса». Практически это означало, что разведывательные органы должны были добыть военному командованию информацию о боевом составе и дислокации соединений Красной Армии на глубину планируемых операций, о возможном подходе ее резервов и работе коммуникаций по обеспечению маневра советских войск. Эту задачу немецко-фашистская разведка решила только частично. Тогдашний руководитель разведывательного отдела «Абвера» генерал-лейтенант Пиккенброк в своих показаниях отмечал, что «...ко дню нападения мы имели подробные данные о Красной Армии в пограничной полосе». Немецкий генерал фон Бутлар считает, что немецкой разведке удалось сравнительно точно определить численность и боевой состав Красной Армии не только в пограничной полосе, но и на остальной территории Советского Союза (речь идет об общей численности и боевом составе Советских Вооруженных Сил). «Если русская

¹⁸ См. Н. Greiner. Die Oberste Wehrmachtführung. 1939—1943. Wiesbaden. 1951, S. 326.

¹⁹ Доклад о переговорах между Гитлером и Чино 25 октября 1941 г. («Ciano's Diplomatic Papers». London. 1948, p. 455).

²⁰ «Мировая война 1939—1945 гг.». М. 1957, стр. 53.

²¹ «Итоги второй мировой войны». М. 1957, стр. 286.

военная промышленность и транспорт были оценены значительно ниже их возможностей, то численность и боевой состав русской армии,— пишет он,— были определены сравнительно точно. Она имела 225 соединений и насчитывала до 4 млн. человек. Около 40 соединений находились в азиатской части России... на западной границе могло быть примерно 185 соединений. При проверке данных в апреле 1941 года²² оказалось, что в Европейской России находилось свыше 170 стрелковых дивизий и около 40 моторизованных бригад»²³. Такого же мнения придерживается и бывший начальник главного разведывательного управления генерального штаба сухопутных сил генерал Типпельскирх, хотя он и приводит несколько иные цифры численности Красной Армии²⁴. По данным Типпельскирха, в составе Красной Армии было 187 дивизий и 36 мотомеханизированных бригад, то есть всего 223 соединения. По данным фон Бутлара, 225 соединений. Что можно сказать по поводу этих сведений? При их сопоставлении с действительной численностью Красной Армии видно, что немецкая разведка допустила здесь крупный просчет. Количество дивизий Красной Армии было также определено неправильно. «В 1941 году немцы считали, что у русских не более 200 дивизий, но к исходу шестой недели войны у них оказалось 360 дивизий»²⁵. Единственно, чего смогла добиться немецко-фашистская разведка,— это собрать довольно полную информацию о советских войсках, расположенных в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине, то есть на глубине первых наступательных операций.

Немецкая разведка недоценила советские военно-воздушные силы. Она имела неправильное представление о мощи советских танковых войск. «Когда мы вступали в Россию,— говорил Гитлер одному немецкому дипломату,— я ожидал, что против нас будет выставлено не более 4 тысяч танков, но их оказалось 12 000»²⁶. Немецкая разведка не располагала сведениями о производственных мощностях военной промышленности Советского Союза, не имела информации о новых видах военной техники (танков, самолетов, артиллерии и стрелкового оружия), не располагала секретными топографическими картами СССР. «У нас было мало сведений относительно русских танков,— пишет бывший начальник штаба четвертой немецкой армии генерал Блюментрит.— Мы понятия не имели о том, сколько танков в месяц способна произвести русская промышленность. О боевой мощи русской армии мы также не имели точных данных... Трудно было достать даже карты, так как русские держали их под большим секретом. Те карты, которыми мы располагали, зачастую были неправильными и вводили нас в заблуждение»²⁷.

Все сказанное свидетельствует о том, что гитлеровская разведка не смогла добыть разведывательную информацию о Советском Союзе, необходимую для ведения войны.

Фашистская Германия не в состоянии была решить и вторую задачу—создать «пятую колонну» в тылу Красной Армии. Буржуазно-националистические организации, на которые делали ставку гитлеровцы, не получили сколько-нибудь значительной поддержки населения Западных областей Украины, Белоруссии и прибалтийских республик. Что касается остальной территории СССР, то фашисты не нашли там социальной опоры для создания «пятой колонны». Отдельные вооруженные выступления националистических банд в тылу Красной Армии не смогли оправдать тех надежд, которые возлагали на них фашисты.

²² Именно этим обстоятельством была вызвана заброска в апреле—мае 1941 г. более квалифицированной немецкой агентурой в приграничные районы.

²³ «Мировая война 1939—1945 гг.», стр. 153.

²⁴ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956, стр. 173.

²⁵ Halden. Diary. March 11. Wiesbaden. 1941, p. 298.

²⁶ См. Rahn. Ruheloses Leben. Düsseldorf. 1949, S. 190.

²⁷ «Роковые решения». М. 1958, стр. 73—74.

Наконец, не была достигнута и цель — скрыть подготовку к нападению на СССР. Советские органы госбезопасности, пограничные войска, военная разведка своевременно вскрыли сосредоточение немецко-фашистских войск на советско-германской границе, в основном правильно определили их группировку и установили намерение фашистской Германии развязать войну против СССР. Уже в середине 1940 г. советской разведке стало известно, что «министерство путей сообщения Германии получило указание представить в генеральный штаб сухопутных войск данные о возможностях железных дорог Германии по перевозке войск с Запада на Восток»²⁸. 25 декабря советский военный атташе в Германии получил анонимное письмо, в котором сообщалось о подготовке войны против СССР и излагался план военных действий. Как можно судить сейчас, этот план был весьма близок к реальному. В письме указывалось, что война начнется весной 1941 года²⁹. В феврале 1941 г. были получены данные о том, что вторжение на Британские острова откладывается до окончания войны против СССР. В марте стало известно о встрече Антонеску с одним из немецких чиновников, Берингом, на которой обсуждался вопрос о войне против Советского Союза. 22 марта была получена достоверная информация о том, что «Гитлер отдал секретное распоряжение приостановить выполнение приказов для СССР»³⁰. К 25 марта были собраны данные о сосредоточении на советско-германской границе 120 немецких дивизий, что в целом соответствовало действительности. 10 апреля органы госбезопасности направили И. В. Сталину и В. М. Молотову разведывательную информацию о содержании беседы Гитлера с югославским принцем Павлом, из которой следовало, что Гитлер решил открыть военные действия против СССР в конце июня. В этом же месяце поступило сообщение от Рихарда Зорге, раскрывавшее не только намерение, но и конкретные планы и сроки нападения фашистской Германии на Советский Союз. В мае и июне 1941 г. НКГБ СССР направил И. В. Сталину и В. М. Молотову новое сообщение о подготовке Германии к нападению на СССР, не оставлявшее сомнений в приближении войны. 6 июня НКГБ представил И. В. Сталину разведывательные данные о сосредоточении на советско-германской границе четырехмиллионной немецкой армии. 16 июня стало известно, что группировка немецких войск, расположенных в Восточной Пруссии, получила приказ занять к 13 июня исходные позиции для наступления на СССР. Затем этот срок был перенесен на 18 июня³¹. 11 июня органы НКГБ доложили И. В. Сталину о том, что немецкое посольство в Москве 9 июня получило из Берлина распоряжение подготовиться к эвакуации в течение семи дней. Указывалось, что в подвальном помещении посольства сжигаются архивные документы. Это было прямым свидетельством надвигающейся войны.

Мы перечислили только отдельные факты, которые показывают осведомленность советской разведки о намерениях фашистской Германии. Собранная ею информация была достаточно обширной, но она не смогла убедить И. В. Сталина в том, что Германия действительно намерена в нарушение договора о ненападении начать войну против СССР.

Говоря о том, что гитлеровская разведка не смогла накануне войны решить ни одну из поставленных перед нею задач, мы должны вместе с тем вскрыть причины, которые помешали ей сделать это.

Основную роль в срыве планов «тайной войны» против СССР сыграли огромные исторические преобразования, которые были осуществ-

²⁸ АМО, № 4551, д. 2, л. 32.

²⁹ Там же, № 7272, д. 1, л. 75.

³⁰ Там же, л. 79.

³¹ ЦАПВ, ф. 14, оп. 224, д. 4119, лл. 12—13.

лены в нашей стране за годы Советской власти, а также мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по укреплению безопасности нашей Родины. Немецко-фашистской агентуре довелось убедиться в прочном морально-политическом единстве советского народа, его горячей любви к Родине, высокой революционной бдительности. «Не найдя никакой опоры внутри СССР,— писала «Правда»,— столкнувшись с единым, сплоченным советским народом и высоким мастерством советских разведчиков, фашистская агентура оказалась бессильной осуществить планы своих хозяев»³². Оценивая деятельность немецко-фашистской разведки накануне и в период Великой Отечественной войны, один из ее руководителей писал: «Надо заметить, ...что мы не выполнили поставленной перед нами задачи. Это зависело не от плохой агентурной работы немцев, а от высокопоставленной работы русских, от хорошей бдительности не только военнослужащих, но и гражданского населения...»

Огромные потенциальные возможности социалистического государства по пресечению разрушительной работы хорошо обученной агентуры врага реализовывались через советские органы госбезопасности. Они вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с широкой подрывной деятельностью немецко-фашистской разведки накануне и в ходе войны. Вступив в единоборство с немецко-фашистской разведкой, советские органы госбезопасности вышли из этой борьбы победителями.

В предвоенные годы органы госбезопасности нанесли ряд ударов по агентуре империалистических разведок внутри СССР, в том числе и по немецко-фашистской агентуре. Была вскрыта и обезврежена хорошо законспирированная фашистская шпионская сеть, созданная во многих пунктах Советского Союза.

В 1939—1941 гг. органы госбезопасности провели ряд успешных операций против буржуазно-националистической агентуры гитлеровцев в Западных областях Белоруссии, Украины и в Прибалтике. В марте 1940 г. были арестованы главари оуновского подполья в Львовской области, а в сентябре ликвидирован вновь восстановленный руководящий центр антисоветских буржуазно-националистических организаций. С июля 1940 г. по май 1941 г. НКГБ Литовской ССР вскрыл 75 подпольных групп, готовившихся с началом войны к вооруженному выступлению против советского строя. Ощутительные удары были нанесены по агентуре различных белоэмигрантских организаций, которые использовались немецко-фашистской разведкой для подрывной работы против СССР. Всего в 1940 и в первом квартале 1941 г. было раскрыто 66 резидентур германской разведки, разоблачено 1 596 немецких агентов, из них в Западных областях УССР, БССР и в Прибалтике — 1 338.

Позиции немецкой разведки в СССР были серьезно подорваны и тем, что по решению Советского правительства в феврале 1938 г. были закрыты немецкие консульства в Ленинграде, Харькове, Тбилиси, Киеве, Одессе, Новосибирске и Владивостоке, служившие опорными пунктами для ведения широкой подрывной деятельности против Советского Союза. Упразднение их, по словам статс-секретаря германского посольства Макензена, «явилось форменной катастрофой для немецкого военного атташе в Москве, в обязанности которого входило освещать свое правительство о военном потенциале России. С закрытием консульств он лишился почти последнего источника информации. Остался еще дипломатический курьер, совершавший ежемесячно одну поездку из Берлина в Токио и обратно: то, что он видел в пути, а затем

³² «Правда», 20 декабря 1947 года.

докладывал атташе, стало в создавшейся обстановке единственным источником информации о событиях вне Москвы»³³.

Борьба с вражеской агентурой была бы, несомненно, более эффективной, если бы органам госбезопасности приходилось действовать в предвоенные годы только по своему прямому назначению. На деле же порой вместо борьбы с действительными врагами социалистического государства они использовались для решения совсем иных задач. Известно, что период культа личности был связан с серьезными извращениями и ошибками в работе органов государственной безопасности. Известно также, что эти ошибки не изменили социалистической природы советской разведки и контрразведки, не оторвали ее от народа, от партии. Именно тесная связь подавляющего числа чекистов с народом создала те условия, которые в конечном счете предопределили их победу над разведкой фашистской Германии.

С началом войны деятельность немецко-фашистской разведки была целиком подчинена обеспечению успешных боевых действий германских войск. В тыл Красной Армии было заброшено большое количество вражеских агентов, подготовленных заблаговременно на случай войны. Число их в 1941 г. возросло по сравнению с 1939 г. в 14 раз. «В распоряжение штабов немецких армий,— говорилось в докладной записке Канариса от 4 июля 1941 г.,— направлялись многочисленные группы агентов из коренного населения, то есть из русских, поляков, украинцев, грузин, финнов, эстонцев и т. п. Каждая группа насчитывала 25 (или более) человек. Во главе этих групп стояли немецкие офицеры. Группы использовали трофейное русское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы. Они должны были проникать в советский тыл на глубину 50—300 км перед фронтом наступающих немецких армий, с тем чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений, обращая особое внимание на сбор сведений о русских резервах, о состоянии железных и прочих дорог, а также о всех мероприятиях, проводимых противником»³⁴.

Помимо агентурных групп, забрасывались агенты-одиночки, действовавшие под видом беженцев, выходящих из окружения бойцов Красной Армии, солдат, отставших от своих частей. По численности агенты-одиночки преобладали среди вражеских разведчиков. В большом количестве забрасывались также диверсионно-разведывательные группы, сформированные из личного состава соединения «Бранденбург-800», и вооруженные банды из представителей буржуазных националистов.

В течение 1941 г. вражеской агентуре удалось добыть для немецкого командования некоторую информацию о боевом составе и группировке советских войск в зоне боевых действий и в ближайшем тылу. В ряде случаев оказались успешными и действия диверсионных групп и отрядов. Только за 14 дней августа 1941 г. на Кировской и Октябрьской железных дорогах было совершено 7 диверсионных актов. Диверсантам удавалось неоднократно серьезно нарушать связь между войсковыми штабами Красной Армии.

Однако все эти успехи немецко-фашистской разведки имели частный характер и были в значительной степени обусловлены, во-первых, неблагоприятно складывавшейся для Красной Армии в начале войны обстановкой на фронте, во-вторых, недостаточной подготовкой органов государственной безопасности к решению оперативных

³³ Л. де Ионг. Указ. соч., стр. 353.

³⁴ Vortragsnotiz des Admirals Canaris, Juli 4, 1941.

задач во время войны. В особенно трудном положении оказались органы советской контрразведки в западных районах страны, ставших зоной военных действий. Они не сразу смогли перестроить свою работу. Во время войны сразу же выявилась острая нехватка чекистских кадров. Эти причины привели к тому, что непосредственно в зоне боевых действий и в прифронтовых районах, где гитлеровская разведка и контрразведка сосредоточивала свои главные усилия, органы госбезопасности не всегда вовремя пресекали шпионско-диверсионную деятельность врага.

К концу 1941 г. стало очевидно, что немецко-фашистские планы молниеносной войны провалились. В перспективе вырисовывалась затяжная война, в которой решающее значение приобретала способность воюющих сторон наращивать свои силы за счет военного потенциала. Ввиду этого немецкой разведке пришлось серьезно пересмотреть свою стратегию. С начала 1942 г. она стала уделять значительное внимание разведке глубинных районов страны. Была усилена засылка агентуры на Кавказ, в районы Волги, Урала и Средней Азии.

Одновременно с этим немецкая разведка давала своей агентуре указание усилить диверсионную и террористическую деятельность. В феврале 1942 г. был создан специальный разведывательный орган «Цеппелин» («Z-VI»). В директиве Гиммлера от 15 февраля 1942 г. задачи его были сформулированы следующим образом: произвести политико-моральную «расшифровку» СССР; сломать единство народов СССР путем пропаганды; ослабить экономические силы Советского Союза путем вредительства, саботажа, террора и других средств. Характер поставленных перед «Цеппелином» задач свидетельствовал о том, что для немецкой разведки политико-моральное единство советского народа оставалось сложным шифром, разгадать который она только собиралась в 1942 году. Выяснение источника моральных сил советского народа, подрыв его единства и деморализация экономики — к этому были направлены усилия вновь сформированного разведывательного органа. Надо сразу же сказать, что эти усилия не принесли ожидаемых результатов. В директиве Гиммлера от 15 февраля 1943 г. говорилось: «Результаты разведывательной работы «Z-VI» были удовлетворительными, но основную задачу — провести в большом масштабе диверсионную и подрывную работу — «Z-VI» выполнил, несомненно, плохо».

В связи с расширением военных операций на советско-германском фронте, а также усилением разведывательно-диверсионного воздействия на глубинные районы СССР заброска разведчиков и диверсантов на советскую территорию увеличилась в 1942 г. по сравнению с 1941 г. более чем в два раза, резко повысилась квалификация немецких агентов. В 1942 г. в специальных школах и на курсах немецкой разведки одновременно обучалось до 1 500 человек. Обучение длилось от 1,5 (для «обычных» шпионов) до 3 (для шпионов-радиотехников и диверсантов) месяцев. Все школы и курсы за год выпускали около 10 тыс. шпионов и диверсантов.

Повышенное внимание гитлеровцев к качеству подготовки агентуры явилось следствием возросшей эффективности контрразведывательной деятельности советских органов госбезопасности. Однако и эта мера не помогла. И в 1942 г. немецкая разведка не сумела решить тех задач, которые ставились перед ней. Она по-прежнему была не в состоянии проникнуть в оперативные планы советского командования, не имела данных о глубоком тыле страны. Об этом писал, в частности, один из руководящих работников отдела «Иностранные армии Востока» при ОКВ, полковник Шилькнехт.

За весь второй квартал 1942 г. в журнале боевых действий верховного командования вооруженных сил Германии содержится

лишь одно определенное упоминание о донесении, дошедшем до Гитлера через линию фронта. Оно было отправлено в мае из Куйбышева и заключало сообщение о том, что русские намереваются сорвать намеченное немцами наступление, организовав контрнаступление по всему фронту. Нетрудно видеть, насколько такое донесение было неконкретно. В немецкой литературе и в официальных немецких документах можно встретить упоминания о некоторой осведомленности немецкой разведки относительно подготовки Красной Армии к наступлению на Волге. В частности, известно, что преемник Гальдера генерал Цейтцлер докладывал Гитлеру 7 ноября 1942 г. о том, что, «согласно донесениям агентов, 4 ноября принято решение перейти на Донском или Центральном фронте в наступление еще в течение 1942 года»³⁵. Однако предполагалось, что это наступление возможно в весьма ограниченном масштабе, поскольку русские-де не располагали достаточными силами³⁶. Так оценивалась обстановка в этом районе 12 ноября 1942 года. Как известно, через семь дней после такого «разведывательного прогноза» Советская Армия перешла в наступление, в котором участвовало свыше 1 млн. человек, около 900 танков, 13,5 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. самолетов³⁷. Как видим, в 1942 г. немецкая разведка в отличие от 1941 г. была уже не в состоянии снабжать фашистское командование сведениями о группировке советских войск и их оперативных намерениях.

Некоторые, правда, преходящие успехи были достигнуты гитлеровцами в организации диверсий в тылу советских войск. Например, в период подготовки Северо-Западного фронта к наступлению для ликвидации делянской группировки противника немецкая разведка забросила в тыл наших войск до 200 диверсантов с заданием вывести из строя железнодорожные коммуникации на участке Бологое—Старая Русса, Бологое—Торопец. Гитлеровцам удалось совершить ряд диверсионных актов на этих дорогах, но вскоре они были пойманы и обезврежены³⁸. Во время наступления немцев на Северном Кавказе 30 диверсантов из соединения «Бранденбург-800» проникли в тыл советских войск в форме военнослужащих Красной Армии. Они взорвали мост в районе Минеральных Вод. Другая группа захватила мост в районе Пятигорска и удерживала его до подхода немецких танков. Третья группа проникла в Майкоп, где на мосту создала пробку, нарушив тем самым отход наших войск. Примерно в это же время немецкая разведка провела операцию под кодовым наименованием «Шамиль». В тыл Красной Армии в район нефтепромыслов Грозного был выброшен диверсионный отряд численностью в 25 человек под руководством лейтенанта Ланге для захвата нефтеперегонного завода. Но при спуске на парашютах отряд был обстрелян с земли и свою задачу не выполнил. Этими примерами фактически исчерпывались успехи немецких диверсантов на советско-германском фронте в 1942 году.

В первой половине 1943 г. немецкая разведка стремилась наращивать свои усилия. Заброска вражеской агентуры в тыл нашей страны увеличилась почти в 1,5 раза по сравнению с 1942 годом. Для ее подготовки дополнительно было организовано 9 школ. Развертывались новые органы разведки. Всего в 1943 г. на советско-германском фронте действовало более 130 разведывательных организаций противника и около 60 специальных школ по подготовке агентуры. В тыл советских войск было заброшено наибольшее за все время войны количество агентов. Немецкая разведка пыталась взять реванш за прошлые

³⁵ См. Н. Greiner. *Op. cit.*, S. 417.

³⁶ См. «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, стр. 12.

³⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. 3. М. 1961, стр. 26.

³⁸ АМО, ф. 1 УФ, оп. 52051, д. 9, лл. 28—29.

неудачи, сломить противодействие советской контрразведки. Однако советские органы госбезопасности не только выдержали бурный натиск немецкой разведки, но и сами перешли в наступление.

Это, конечно, произошло не сразу. Коренному перелому на тайном фронте борьбы предшествовала грандиозная организаторская деятельность Коммунистической партии, Советского правительства, напряженная, полная героизма и отваги работа чекистов.

С началом войны партия направила основные силы органов госбезопасности на борьбу с принявшей серьезные размеры подрывной деятельностью разведывательных и контрразведывательных органов Германии и ее сателлитов. В директиве от 29 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК обязали органы госбезопасности сосредоточить силы на оказании всемерной помощи Красной Армии в разгроме гитлеровской Германии. Центральный Комитет потребовал, чтобы была усилена охрана тыла от подрывных действий противника, решительно уничтожались шпионы, диверсанты и парашютисты, велась беспощадная борьба с дезертирами, паникерами, распространителями вредных слухов.

По инициативе ЦК ВКП(б) для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника были сформированы истребительные батальоны. Действуя под оперативным руководством органов госбезопасности, они сыграли большую роль в пресечении вражеских происков в прифронтовой полосе. В директиве от 18 июля 1941 г. были сформулированы задачи органов госбезопасности по организации борьбы в тылу врага. С началом войны повысилось внимание к военной контрразведке со стороны военных советов фронтов и армий. Партийные организации на местах, особенно в районах, где было введено военное положение, получили возможность направлять деятельность органов госбезопасности в соответствии со складывавшейся обстановкой. Они усилили контроль за их работой.

В 1941—1942 гг. советские чекисты в основном преодолели трудности, вызванные недостаточной подготовленностью к войне и неблагоприятно сложившейся обстановкой на фронте. Был приобретен опыт решения контрразведывательных задач в условиях войны. Сложилась общая система борьбы с подрывной деятельностью вражеской разведки. Была проведена некоторая реорганизация и увеличена численность контрразведывательных органов. Вместе с тем повысилась бдительность личного состава войск и населения. Особенно заметно улучшилась маскировка радиосвязи в войсках. В начале 1943 г. в одном из документов гитлеровской разведки отмечалось, что «Красная Армия перешла к еще большей маскировке своей радиосвязи... В связи с этим уже нельзя точно устанавливать постоянные изменения обстановки у противника»³⁹.

Советский народ оказывал активную помощь органам государственной безопасности, считая такую помощь своим кровным делом. Все это помогло органам госбезопасности в борьбе с немецко-фашистской разведкой, позволило им взять инициативу в свои руки. Насколько эффективной была эта борьба, видно из следующих примеров. По документальным данным немецкой разведки, разведывательный орган противника «Абверкоманда-104» за период с октября 1942 г. по сентябрь 1943 г. забросил в тыл Красной Армии 150 групп шпионов и диверсантов численностью от 3 до 10 человек каждая. «Из 150 групп,— говорится в документе,— почти все попали в руки русских... Вернулось только две группы... Военные сведения, добытые возвратившимися группами, не представляли никакой ценности». Согласно тому же документу, более успешной была ближняя агентурная разведка

³⁹ См. «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, стр. 11.

(на глубину до 50 км). Но и здесь возвращалось только 10% засланных агентов.

В 1942 г. немецкая разведка продолжала забрасывать основную массу шпионов и диверсантов на направлениях главных ударов немецко-фашистских войск. Поскольку такими направлениями были кавказское и сталинградское, борьба советских органов госбезопасности на этих направлениях наиболее показательна. С января до ноября 1942 г., то есть до прекращения наступательных действий немецких войск в районе Северного Кавказа, только территориальными органами госбезопасности было разоблачено и обезврежено около 170 вражеских агентов, заброшенных противником в этот район. На сталинградском направлении территориальные органы госбезопасности за сентябрь обезвредили 26 агентов. Всего за октябрь и первую половину ноября была пресечена подрывная деятельность около 200 агентов. Всего за 1942 г. было обезврежено несколько тысяч вражеских агентов и диверсантов. Следует отметить, что среди агентов противника было немало таких, которые добровольно являлись в органы госбезопасности с повинной и использовались ими для борьбы с гитлеровской разведкой.

Борьба с немецкой агентурой являлась главной, но далеко не единственной задачей, которую решали органы госбезопасности. Большая работа проводилась и в тылу врага. Здесь действовали тысячи чекистов. Они вели разведывательную, организаторскую и диверсионную работу. От них регулярно поступала ценнейшая информация о дислокации и передвижении войск противника, о его оперативных планах. В сентябре 1941 г. советские чекисты добыли, например, данные о сосредоточении крупных сил немецких войск в районе Ярцева, Сафонова, Духовщины. В феврале — июне 1942 г. были собраны ценные сведения о немецких войсках на южном крыле советско-германского фронта (в Харьковской, Донецкой, Киевской, Полтавской и других областях). 10 июня советские разведчики сообщили данные о сосредоточении в районе г. Мало-Архангельское и ст. Поньри около 300 немецких танков, большого числа автомашин и мотоциклов. В 1942 г. чекисты добыли ценные оперативные документы, раскрывавшие группировку противника на центральном участке фронта. Весной 1943 г. чекистская группа «Победители» добыла важные сведения о переброске противником нескольких пехотных и танковых дивизий из Франции, Африки и из-под Ленинграда на курское направление. В мае 1943 г. был захвачен в тылу противника офицер разведотдела штаба ВВС центральной группы армий, который дал исключительно ценные показания о подготовке немецким командованием крупного наступления на Орловско-Курской дуге. 23 июня действовавшие в тылу врага в районе Гомеля чекисты сообщили ценные сведения о прибывших из Германии танках, новых пехотных соединениях, расположении аэродромов, складов и т. д. Подобных сообщений поступало множество. Вместе с данными, добытыми по другим направлениям, эта информация сыграла большую роль в определении планов немецко-фашистского командования.

Советские чекисты участвовали в «рельсовой войне», совершали смелые налеты на штабы врага и объекты тыла. Они пустили под откос сотни железнодорожных эшелонов и уничтожили немало немецко-фашистских войск. В результате диверсионных ударов по важным вражеским объектам чекистские диверсионные группы серьезно нарушали работу фашистского тыла и нередко срывали передвижение войск и боевой техники противника.

Советские чекисты проникали в разведывательные и контрразведывательные органы врага, выявляли планы фашистской разведки, разоблачали вражескую агентуру. Только на территории Белоруссии чекисты выявили 22 разведывательно-диверсионные школы «Абвер», 36 резидентур и 6 тыс. агентов немецко-фашистской разведки. Благодаря

действию чекистов деятельность некоторых разведывательных школ противника была полностью парализована, и гитлеровцы вынуждены были их закрыть. Советские разведчики проникли в фашистский разведорган «Абверкоманда-103», осуществлявший подрывную работу в полосе действий группы армий «Центр», и добыли данные о 127 агентах германской разведки, подготовленных для переброски или переброшенных в советский тыл. Эти примеры не единичны.

Действуя в тылу врага, советские чекисты, как и все советские люди, проявляли массовый героизм. Ярким примером мужества и необыкновенной отваги является боевая деятельность коммуниста-разведчика Героя Советского Союза В. А. Молодцова и его боевых соратников. Обосновавшись по заданию органов государственной безопасности в катакомбах Одессы, оккупированной врагом, разведывательная группа В. А. Молодцова совместно с партизанами, преодолевая большие трудности (фашисты применяли против советских патриотов газы, замуровывали выходы из катакомб, отравляли воду в колодцах), вела активные действия против врага. Своими боевыми операциями чекисты и партизаны в течение 7 месяцев 1941—1942 гг. отвлекали на себя значительные силы противника и нанесли ему большой урон. Группа В. А. Молодцова регулярно передавала в Москву ценные разведывательные данные. Легендарные подвиги в тылу врага совершил чекист Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов. Беспредельную преданность Советской Родине, мужество и отвагу проявили в годы войны чекисты Герои Советского Союза Д. Н. Медведев, С. А. Ваупшасов, К. П. Орловский, Е. И. Мирковский, Ф. Ф. Озмитель, Б. Л. Галушкин, А. И. Рабцевич, В. А. Лягин и многие другие.

В годы войны органы госбезопасности умело проводили дезинформацию противника, вводя его в заблуждение относительно истинных намерений советского командования, о передвижении войск, об обстановке в тылу. Например, с 1 мая по 1 августа 1942 г. в соответствии с утвержденным Ставкой планом проводилась дезинформация, целью которой было показать сосредоточение ложных группировок советских войск. В январе 1943 г. гитлеровской разведке были даны дезинформационные сведения о формировании в Горьком резервной армии, ложно показана выгрузка в северных портах 1 300 самолетов и 2 тыс. танков. Чтобы сковать силы противника на севере, были переданы дезинформационные материалы о концентрации войск на Карельском фронте. В передаче врагу дезинформационных материалов использовалось несколько десятков радиостанций немецкой агентуры, захваченной органами госбезопасности в нашем тылу. Проводимая в широких масштабах дезинформация способствовала осуществлению советскими войсками наступательных операций.

После разгрома под Курском — Белгородом в июле 1943 г. немецкая армия окончательно потеряла стратегическую инициативу. Стало ясно, что Германия проиграла войну. Учитывая обстановку на фронте, а также неудачи немецкой разведки, гитлеровцы изменили ее задачи и методы действий. Она стала придерживаться оборонительной стратегии. Радиус ее действий стал в основном ограничиваться глубиной оперативного построения советских войск и их ближайшим тылом (прифронтовыми районами). Больше внимания стало уделяться подготовке агентуры, поскольку возросла эффективность борьбы с ней советских органов госбезопасности. Усилилось разложение среди вражеской агентуры. Увеличился процент немецких агентов, являвшихся с повинной в органы госбезопасности. Чтобы предотвратить это, немецкая разведка в 1943—1944 гг. стала более тщательно отбирать агентов и «закреплять»

их за собой. В шпионские школы вербовались люди, которые окончательно порвали с Родиной и запятали себя преступлениями перед народом. Кандидаты в шпионы, не имевшие такого прошлого за своими плечами, перед направлением в шпионские школы привлекались к карательным операциям против партизан и мирного населения. Их «испытывали» при массовых казнях советских людей, после чего фотографировали на фоне замученных ими жертв. Только после того, как они выдерживали такие «испытания», их готовили и направляли в советский тыл.

Во второй половине 1943 и в 1944—1945 гг. резко сократилась заброска немецкой агентуры в глубинные районы нашей страны. Начальник разведывательного органа «Цеппелин-Зюд» штурмбанфюрер СС Редер писал в сентябре 1943 г. в донесении в Берлин: «Я считаю заброску находящихся здесь диверсионных групп в настоящее время не оправдывающей себя, поскольку вооруженные силы на Востоке занимают оборону и ведут подвижные бои. Намерения по диверсии не будут иметь прочного успеха до тех пор, пока победы немецких войск не будут очевидны. В связи с этим считаю нецелесообразным разбрасываться хорошими радистами и агентами, которые могут быть хорошо использованы при изменении политической обстановки весной 1944 года. Предлагаю переброску прекратить». Несколько позднее он докладывал: «Вследствие дальнейшего ухудшения положения контрразведывательные органы при группах армий «Юг» и «А» прекратили всю агентурную работу. Это обстоятельство заставляет меня вновь предлагать перевести всех агентов в Зандберг, так как агентурная работа в этом году больше не оправдывается».

Что побудило штурмбанфюрера СС сделать такие малоутешительные выводы? Одной из причин явились провалы его агентуры. Согласно тому же отчету, «Цеппелин-Зюд» в 1943 г. забросил в советский тыл 19 агентурных групп (115 агентов), из них 15 групп были ликвидированы раньше, чем они приступили к решению своих задач. Остальные группы были задержаны спустя некоторое время или сами явились в органы госбезопасности с повинной. Другой причиной была ненадежность агентуры, подготовленной из предателей и изменников. 5 сентября 1943 г. Редер писал в Берлин: «Оставление групп исключительно затруднительно. Агенты отказываются оставаться. Они боятся красных и недостаточно верят в наше дело».

Нет нужды рассматривать все случаи неудачной заброски вражеской агентуры в глубинные районы нашей страны в этот период. Остановимся только на двух, достаточно характеризующих намерения и результаты деятельности немецких разведывательных органов. В 1943 г. по заданию Гимmlера начала готовиться к диверсионно-разведывательной деятельности в районе Урала группа «Ульм» численностью в 50 человек. В июне 1944 г. 7 человек из этой группы во главе с предателем Родины Галиевым были выброшены с самолета на территории Коми-Пермяцкого национального округа. Один диверсант при приземлении разбился. Остальные шесть в страхе перед неминуемым возмездием не рискнули выйти из тайги. Вскоре главарь диверсантов застрелился. За ним последовал радист. Один диверсант умер от истощения, другого прикончил его же товарищ. Последнего выловили органы госбезопасности. Второй пример. 5 сентября 1944 г. вблизи районного центра Карманова, Смоленской области, сотрудники НКГБ задержали двух подозрительных лиц: мужчину в форме майора Красной Армии и женщину. Оба ехали на мотоцикле с коляской по дороге на Ржев. Задержанный предъявил документы на имя Героя Советского Союза П. И. Таврина. Сопровождавшая его женщина по документам значилась его женой. У Таврина имелась Золотая Звезда Героя Советского Союза, ордена Ленина, Красного Знамени, Александра Невско-

го, Красной Звезды, медали, поддельные орденские книжки и вырезки из советских газет о присвоении ему звания Героя Советского Союза и награждении орденами. В мотоцикле находились: портативная радиостанция; специальный аппарат «Панцер кнаке» с девятью снарядами калибра 30 мм весом 235 г, пробивающими броню толщиной до 35—40 мм на расстоянии до 300 м; семь пистолетов разных систем; мина сильного действия с радиовзрывателем; шифры, коды, средства тайнописи. Пистолетные пули были обработаны ядом мгновенного действия. В ходе следствия выяснилось, что Таврин, изменив Родине, 30 мая 1942 г. в районе Ржева перешел на сторону врага. В 1943 г. был завербован германской разведкой. С сентября 1943 г. по август 1944 г. проходил особую подготовку под руководством начальника «Восточного отдела» СД Грейфе, а затем его преемника Хенгельгаупта. В ночь на 5 сентября был переброшен через линию фронта на четырехмоторном самолете, приспособленном для посадки на небольших площадках. При посадке самолет потерпел аварию и взлететь не мог. Пять членов экипажа были впоследствии задержаны, один убит. Предатель имел задание вместе со своей подручной пробраться в Москву и совершить покушение на руководителей Коммунистической партии и Советского правительства.

Приведенный пример показывает не только коварство гитлеровской разведки, он свидетельствует о ее авантюризме, о явном отчаянии перед лицом приближавшейся катастрофы.

В зоне боевых действий усилия немецкой разведки были также малоэффективны. Это видно из того, что она не смогла своевременно раскрыть подготовку, масштабы и цели важнейших операций, проведенных Красной Армией после Курского сражения. Так, она не смогла определить, на каком направлении Красная Армия готовилась нанести главный удар в 1944 году. Известно, что в июне 1944 г. 1-й Прибалтийский, 1, 2 и 3-й Белорусские фронты нанесли удар по центральной группировке немецких войск и полностью ее разгромили. Между тем немецкое командование ожидало наступления главных сил Красной Армии на южном крыле советско-германского фронта. 13 июня 1944 г. за 10 дней до начала наступления советских войск в Белоруссии, немецкая разведка считала, что начало летнего наступления Красной Армии следует ожидать 15—20 июня. При этом отмечалось, что «направление главного удара по-прежнему ожидается между Карпатами и районом севернее Ковеля», то есть не в Белоруссии, а на Украине⁴⁰. Ввиду неправильной оценки немецкой разведкой обстановки на советско-германском фронте стратегическая наступательная операция Красной Армии в Белоруссии оказалась полной неожиданностью для немецкого командования. «Особенно неприятным было наступление северо-западнее Витебска,— пишет Типпельскирх в воспоминаниях.— Оно поразило слабо защищенный участок фронта на решающем в оперативном отношении направлении»⁴¹.

Аналогичные просчеты немецкая разведка допустила и при проведении Красной Армией Яско-Кишиневской операции. 3 августа 1944 г. вступивший в должность командующего группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Фриснер докладывал Гитлеру: «При современном положении противника, насколько мы можем определить его с помощью имеющихся в нашем распоряжении разведывательных средств, обстановка на фронте является абсолютно прочной»⁴². А через 17 дней после такого успокоительного прогноза войска 2-го и 3-го Украинского фронтов начали мощное наступление, в результате которого из 24 не-

⁴⁰ «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, стр. 12.

⁴¹ К. Типпельскирх. Указ. соч., стр. 443.

⁴² См. «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, стр. 15.

мешких дивизий группы армий «Южная Украина» 18 были окружены и ликвидированы.

В период общего наступления советских войск, развернувшегося на всех фронтах Великой Отечественной войны, гитлеровская разведка уделяла особенно большое внимание диверсионной деятельности на коммуникациях Красной Армии. Цель ее была очевидна: любыми средствами сдержать стремительное наступление советских войск. В первые дни наступления войск 1-го Украинского фронта⁴³ противник произвел массовую заброску диверсантов во фронтовой тыл, стремясь разрушить основные коммуникации в районе Жешув — Львов. Для этого была использована агентура, специально подготовленная несколькими диверсионными школами. Большое число агентов было заброшено также в тыл других фронтов. Например, с 1 января по 8 февраля 1945 г. в тылу 1-го Белорусского фронта было арестовано 184 агента противника, из них 124 имели диверсионные задания. В марте — апреле заброска диверсантов и террористов была усилена. Несмотря на столь высокую активность, вражеской разведке не удалось достичь успеха. Враг не сумел нарушить фронтовые коммуникации, хотя в отдельных случаях он и нанес им чувствительные удары. Так, в ночь на 17 октября 1944 г. на железнодорожном перегоне Лановцы — Корночевка вражеские агенты совершили 10 диверсий. Движение по этой магистрали было задержано на пять дней⁴⁴.

Со второй половины 1943 г., когда стало ясно, что фашистская Германия проиграла войну, немецкие разведывательные и контрразведывательные органы стали готовиться к ведению подпольной борьбы после «12-го часа», то есть после военного разгрома Германии. К началу 1944 г. разработка планов такой борьбы была закончена. 10 января совещание руководства фашистской партии совместно с руководством Главного управления имперской безопасности (РСХА) утвердило эти планы. В соответствии с ними на территории Германии, а также на занятых гитлеровцами территориях начала создаваться агентурная сеть для действия в послевоенный период, стали формироваться подпольные силы для ведения подрывной деятельности, закладываться тайники с оружием, средствами связи и продовольствием. Было принято решение начать в тылу Красной Армии после ее выхода на территорию Германии настоящую диверсионную войну, чтобы деморализовать ее тыл.

Работа по созданию такой разведывательной и глубоко законспирированной шпионской сети, а также подпольных диверсионно-подрывных формирований проводилась гитлеровской разведкой одновременно с насаждением на занятой территории массовой агентуры и организацией вооруженных банд для использования их еще в ходе войны. В результате этого территория, освобождаемая Красной Армией в ходе победоносного наступления, оказалась сильно засоренной вражескими агентами, созданными немецкой разведкой различными подпольными организациями, а также предателями и изменниками Родины.

Насколько засорена была враждебными элементами временно занятая немецкой армией советская территория, видно из того, что около 70% агентуры, разоблаченной в годы войны территориальными органами госбезопасности, приходится на бывшие под оккупацией районы СССР.

Советские органы государственной безопасности продолжали наращивать свои удары по врагу. Войска противника непрерывно отступали. Красная Армия захватывала сотни тысяч военнопленных, среди которых оказывалось большое количество официальных сотрудников гитлеровской разведки. Их показания облегчали разоблачение враже-

⁴³ Наступление началось 14 января 1945 года.

⁴⁴ АМО, ф. 1 УФ, оп. 52051, д. 9, лл. 28—29.

ской агентуры. С каждым днем для германской разведки ухудшались условия заброски шпионов и диверсантов в расположение советских войск и связи с оставленной на советской территории агентурой. Пал моральный дух немецких шпионов и диверсантов, теряли веру в победу официальные сотрудники немецкой разведки.

В тылу Советской страны рос трудовой энтузиазм народа, крепло его морально-политическое единство. Советский тыл, перенесший тяжелые испытания первого периода войны, был прочен, как никогда. В тылу противника ширилась борьба угнетенных народов, росло партизанское движение. В начале 1944 г. против гитлеровцев сражалось уже 250 тыс. советских партизан, поддерживавших связь с Центральным штабом партизанского движения⁴⁵. Все это в огромной степени облегчало органам госбезопасности борьбу с гитлеровской разведкой.

Для деятельности органов госбезопасности конечного периода войны характерны две важные особенности: дальнейшее и весьма значительное расширение работы в тылу врага и большой объем мероприятий по очистке освобожденной Красной Армией территории от агентуры немецкой разведки, диверсантов, предателей и изменников Родины, запятнавших себя сотрудничеством с врагом.

Организационные предпосылки для успешной деятельности советской разведки в тылу врага были созданы в 1941—1942 годах. Тогда же были достигнуты первые ощутимые результаты в этой работе. В 1943 г. она стала более широкой и совершенной, а в 1944 г. достигла своего наибольшего размаха и эффективности. Органы госбезопасности своевременно раскрывали планы немецкой разведки и парализовали ее усилия. Планы разведки противника становились известными органам госбезопасности заблаговременно, и агентура врага ликвидировалась, как правило, в период ее заброски. Так, в сентябре 1944 г. органы госбезопасности заранее узнали о предстоящей выброске немецких диверсантов в Брянской области. 13 диверсантов и 38 тюков с оружием и боеприпасами были захвачены в районе приземления. Через день немецкая разведка выбросила в этот же район еще двух диверсантов и 72 тюка с грузами. Они также попали в руки органов госбезопасности. В ночь на 21 декабря 1944 г. в лесном массиве юго-западнее железнодорожной станции Оленино органы госбезопасности задержали четырех немецких шпионов, выброшенных с самолета. Место и время выброски этих шпионов были известны заранее. 23 мая советские контрразведчики ликвидировали диверсионный отряд численностью в 24 человека под руководством капитана немецкой разведки фон Шеллера. Намеренные фашистской разведки высадить этот отряд стало известно раньше, чем была произведена высадка.

Проникновение в планы гитлеровской разведки позволило органам госбезопасности навязывать противнику свою волю. В тылу врага советские чекисты добывали ценную разведывательную информацию для командования Красной Армии, участвовали в партизанской войне, оказывали помощь руководителям партизанских отрядов в борьбе с немецкой агентурой. Известно, что фашистская контрразведка прилагала немало усилий к тому, чтобы засылать своих агентов в партизанские отряды и с их помощью собирать секретную информацию, уничтожать руководителей партизанского движения. Она создавала лжепартизанские отряды, которые занимались ограблением населения, убивали советских людей, пытаясь таким образом подорвать у населения доверие к советским партизанам. Органам государственной безопасности совместно с подпольными партийными организациями пришлось оказывать значительную помощь партизанским отрядам в борьбе с вражеской аген-

⁴⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. 4. М. 1962, стр. 468.

турой, а также в освоении приемов конспирации, скрытой борьбы с противником в условиях жестокого оккупационного режима. Это, безусловно, способствовало росту партизанского движения и повышению эффективности партизанских действий.

Говоря о деятельности органов госбезопасности по очистке освобожденной советской территории от агентуры немецкой разведки, предателей и изменников Родины, следует подчеркнуть, что эта деятельность была успешной и потому, что органам госбезопасности оказывали огромную помощь советские люди, находившиеся на временно оккупированной врагом территории. Коммунисты и комсомольцы, действовавшие в подполье, партизаны, все честные советские люди зорко следили за врагом, брали на учет всех, кто помогал угнетать наш народ и грабить нашу Родину. Опираясь на информацию советских людей, органы госбезопасности быстро находили и обезвреживали вражеских агентов, как бы искусно они ни маскировались.

На завершающем этапе войны органы госбезопасности решали свои задачи не только на территории нашей Родины, но и за ее пределами. Они закончили поединок с немецко-фашистской разведкой непосредственно на немецкой земле. Диверсионно-террористическая и шпионская деятельность вражеской агентуры была пресечена. Большую роль в этом сыграло постановление Государственного комитета обороны от 3 февраля 1945 г., которое предусматривало ряд военных и политических мер в интересах борьбы с немецко-фашистской разведкой и контрразведкой⁴⁶. Не удалось немецко-фашистскому руководству привести в действие и подпольные силы для ведения подрывной работы «после 12-го часа». Эти планы противника также были сорваны советскими органами госбезопасности.

★

Основные силы немецко-фашистской разведки, как и основные силы германской армии, были разгромлены на советско-германском фронте. Советско-германский фронт явился главным фронтом второй мировой войны не только с точки зрения вооруженной борьбы, но и с точки зрения борьбы с огромной машиной гитлеровской разведки. Несмотря на отчаянные усилия, немецкая разведка не сумела выполнить поставленных перед нею задач. В этом огромная заслуга советских органов госбезопасности.

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для советских чекистов. Проверялась их способность вести борьбу с массовой, не виданной по своим масштабам и жесточенности подрывной деятельностью опытного и коварного врага. Испытывалась их преданность социалистической Родине, мужество и стойкость. Чекисты выдержали эти испытания, продемонстрировав тем самым еще раз великую, непроборимую силу советского строя.

⁴⁶ Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 32880, оп. 3, д. 161, лл. 307—309.